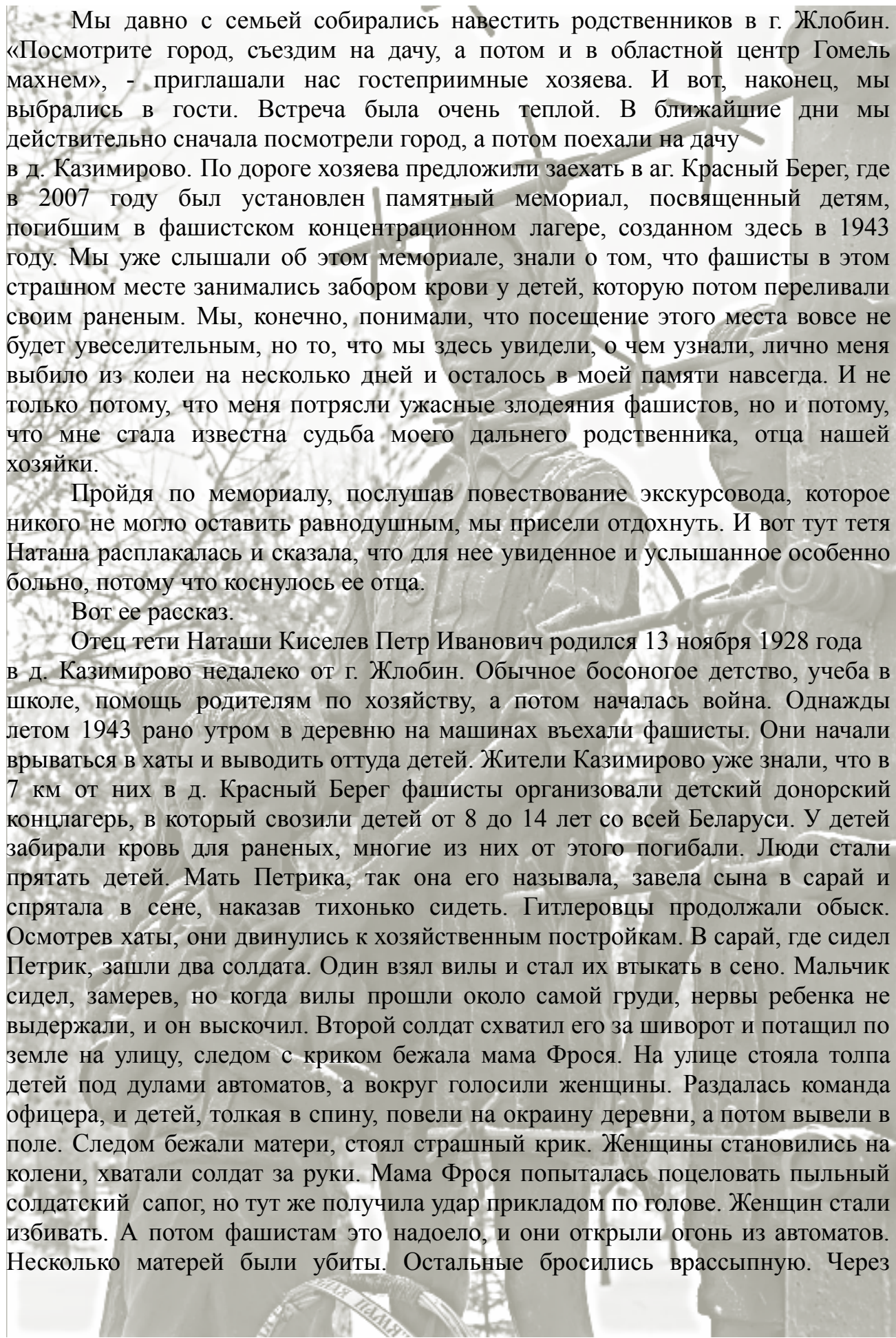

Мы давно с семьей собирались навестить родственников в г. Жлобин. «Посмотрите город, съездим на дачу, а потом и в областной центр Гомель махнем», - приглашали нас гостеприимные хозяева. И вот, наконец, мы выбрались в гости. Встреча была очень теплой. В ближайшие дни мы действительно сначала посмотрели город, а потом поехали на дачу в д. Казимирово. По дороге хозяева предложили заехать в аг. Красный Берег, где в 2007 году был установлен памятный мемориал, посвященный детям, погибшим в фашистском концентрационном лагере, созданном здесь в 1943 году. Мы уже слышали об этом мемориале, знали о том, что фашисты в этом страшном месте занимались забором крови у детей, которую потом переливали своим раненым. Мы, конечно, понимали, что посещение этого места вовсе не будет увеселительным, но то, что мы здесь увидели, о чем узнали, лично меня выбило из колеи на несколько дней и осталось в моей памяти навсегда. И не только потому, что меня потрясли ужасные злодеяния фашистов, но и потому, что мне стала известна судьба моего дальнего родственника, отца нашей хозяйки.

Пройдя по мемориалу, послушав повествование экскурсовода, которое никого не могло оставить равнодушным, мы присели отдохнуть. И вот тут тетя Наташа расплакалась и сказала, что для нее увиденное и услышанное особенно больно, потому что коснулось ее отца.

Вот ее рассказ.

Отец тети Наташи Киселев Петр Иванович родился 13 ноября 1928 года в д. Казимирово недалеко от г. Жлобин. Обычное босоное детство, учеба в школе, помощь родителям по хозяйству, а потом началась война. Однажды летом 1943 рано утром в деревню на машинах въехали фашисты. Они начали врываться в хаты и выводить оттуда детей. Жители Казимирово уже знали, что в 7 км от них в д. Красный Берег фашисты организовали детский донорский концлагерь, в который свозили детей от 8 до 14 лет со всей Беларуси. У детей забирали кровь для раненых, многие из них от этого погибали. Люди стали прятать детей. Мать Петрика, так она его называла, завела сына в сарай и спрятала в сене, наказав тихонько сидеть. Гитлеровцы продолжали обыск. Осмотрев хаты, они двинулись к хозяйственным постройкам. В сарай, где сидел Петрик, зашли два солдата. Один взял вилы и стал их втыкать в сено. Мальчик сидел, замерев, но когда вилы прошли около самой груди, нервы ребенка не выдержали, и он выскочил. Второй солдат схватил его за шиворот и потащил по земле на улицу, следом с криком бежала мама Фрося. На улице стояла толпа детей под дулами автоматов, а вокруг голосили женщины. Раздалась команда офицера, и детей, толкая в спину, повели на окраину деревни, а потом вывели в поле. Следом бежали матери, стоял страшный крик. Женщины становились на колени, хватали солдат за руки. Мама Фрося попыталась поцеловать пыльный солдатский сапог, но тут же получила удар прикладом по голове. Женщин стали избивать. А потом фашистам это надоело, и они открыли огонь из автоматов. Несколько матерей были убиты. Остальные бросились врассыпную. Через

некоторое время они вернулись и издалека наблюдали за своими детьми. Так и прошли все 7 км, пока за детьми не захлопнулись ворота лагеря.

Мама Фрося не помнила, как вернулась домой. Страшно болела голова, гудели ноги от долгой ходьбы. Она подошла к иконе Божьей Матери, которую подарили ей родители на свадьбу, и стала молиться. Мать просила у Матери о спасении своего сына. С тех пор она так и молилась каждое утро и вечер. Эта намоленная икона до сих пор хранится у тети Наташи. И кто знает, может эта святая материнская молитва оберегала ее сына на протяжении всего страшного пути.

В лагере детей заставили помыться в холодной воде, правда дали мыло и специальную одежду. Потом покормили супом с хлебом, напоили сладким чаем. Никто детей не бил. Это потом все поняли, откуда такая забота. Зачем портить этот человеческий материал, ведь из него нужно было выкачать как можно больше молодой, чистой детской крови?

Петрика осмотрела женщина в белом халате. Рядом стоял офицер и говорил: «Гут, гут!». Мальчик понял, что им довольны: рослый, сильный, красивый и здоровый ребенок. Именно такие и нужны для забора крови. У него оказалась вторая группа. Позже он узнал, что отдельно держали детей с универсальной первой группой. Они погибали сразу, потому что у них выкачивали всю кровь. Остальные группы подвергались многократному забору. Петрик не запомнил, сколько раз у него брали кровь, а ближе к осени ребят постарше погнали на железнодорожную станцию. Там погрузили в вагоны, в которых перевозили скот, и куда-то повезли. Почему так произошло? Очевидно, приближающееся 15-летие сделало мальчика не совсем пригодным для сдачи крови. А вот его природная сила еще могла пригодиться рейху.

Никто не знал, куда везут ребят, на станциях в вагоны добавляли новых пленных. В вагоне, где ехал Петрик, ребята постарше смогли в углу разобрать деревянный пол, и на одной из маленьких станций два человека выбрались на железнодорожные пути и бежали. Сначала Петрик хотел присоединиться к ним, а потом испугался. Возможно, это спасло ему жизнь, если бы побежало много людей, то их могли бы заметить.

Люди всю дорогу выглядывали в небольшие окошки под самым потолком. По надписям на станциях они поняли, что проехали Польшу, а потом прибыли в Германию. Тетя Наташа забыла, как называется город, в котором оказался ее будущий отец. Людей из вагонов вытолкали, потом рассортировали и повели. Так Петрик оказался на военном заводе, который выпускал фауст-патроны. Выполнял самую черную работу по 12 часов в сутки, его постоянно избивали надсмотрщики, не кормили. Голод мучил страшно, мальчик не мог даже спать. По ночам пробирался к ведру с водой, пытался так обмануть желудок. Большим счастьем было, когда в одну смену с ним работал пожилой немец по имени Отто. Он приносил с собой кое-какую еду и тайком подсовывал ее мальчику, называя его при этом «кляйне» (маленький).

Однажды на заводе появился человек, которого все звали гроссбауэр. Он выкупил Петрика за деньги у мастера и отвез его к себе домой. Здесь было

полегче: мальчик работал в хозяйстве, что было ему хорошо знакомо. Никто не бил, кормили лучше, чем на заводе. А по праздникам хозяин даже давал еду со своего стола. И здесь порой попадались люди, которые не потеряли свой человеческий облик.

А потом была победа. После проверки выдали Петру какую-то справку и посадили в теплушку. Ехали очень долго, снова приходилось голодать. Только к началу осени 1945 добрался Петр до Жлобина. До Казимирово дошел пешком только к вечеру. В доме никого не было. Он так разволновался, что ему показалось: сердце вот-вот вырвется из груди. И тут он увидел постаревшую мать, которая что-то делала в огороде. Она тоже заметила незнакомого парня, но, приглядевшись, поняла, что это ее сын, за которого она так долго молилась. Каждый день утром и вечером, когда в Казимирово приходил поезд из Жлобина, она выходила в конец улицы, откуда была видна дорога, по которой может прийти ее кровиночка. Но просмотрела, и вот он тут. Прибежали соседи. Не всем повезло с возвращением детей, большинство сгинуло в фашистском рабстве.

Жизнь постепенно налаживалась. Повзрослевший Петр пошел работать на железную дорогу, потом служба в армии, где он получил права шофера. После демобилизации устроился водителем пожарной машины на жлобинский льнозавод, где проработал до пенсии. Появилась у Петра семья. Родились дочь и сын, он построил дом, посадил сад. Все, что положено настоящему мужчине совершить в этой жизни, он сделал. В 90-е военкомат собрал документы, согласно которым Германия ему, как малолетнему узнику, выплатила 7500 немецких марок. «Достойная плата» за детские слезы, муки, страдания, отнятое детство.

С Петром до конца жизни остались его страшные воспоминания, бережное отношение к еде (очень сердился, если приходилось выбрасывать испорченные продукты), настороженное отношение к медицинским процедурам с применением шприца и суровый характер (не до сантиментов после пережитого).

Несмотря ни на что, судьба подарила ему долгую жизнь. Он прожил 87 лет, видно пошел в мать. Она умерла в 93 года.

Вот такая история. Она заставила меня о многом задуматься.

Издавна слово «красный» означало «красивый». Какая нечеловеческая психология заставила Красный Берег олицетворять не с красотой, а с красной человеческой кровью?

Как дети «низшей расы» своей кровью спасали жизни представителей «высшей расы»? Значит, в этом случае кровь подходила? В скольких немцах и их потомках течет кровь белорусских детей?

И когда сегодня снова поднимают голову нацисты и неофашисты, когда «обремененные знаниями и образованием» особи пытаются переделать историю, мне хочется привезти их на Красный Берег, в Хатынь, в места массовых захоронений уничтоженных фашистами людей. Только поймут ли они что-нибудь? Почувствуют? А вот мы, дети народа, который в ту страшную

войну потерял каждого третьего жителя, должны «помнить, чтить, не допускать». А помогут нам это сделать вот такие истории, которые могут рассказать почти в каждой белорусской семье.